

ГЕЛИЙ КОРЖЕВ:

Культура. — 2005. — 7-13 июля. — с. 9

Чиновники меня никогда не любили...

Народному художнику СССР, действительному члену Российской академии художеств Гелию Михайловичу КОРЖЕВУ — 80 лет. Родился он в Москве, в семье архитектора. В 1944 году окончил Московскую среднюю художественную школу, в 1950-м — Суриковский институт. В 1954 году на молодежной выставке представил картину "В дни войны". Она имела большой успех и ознаменовала появление нового яркого, мощного таланта, одного из самых значительных и самобытных в отечественной живописи второй половины XX века.

— Эта картина как бы определила основное направление вашего творчества, посвященное годам войны, определила ваш "суровый стиль"...

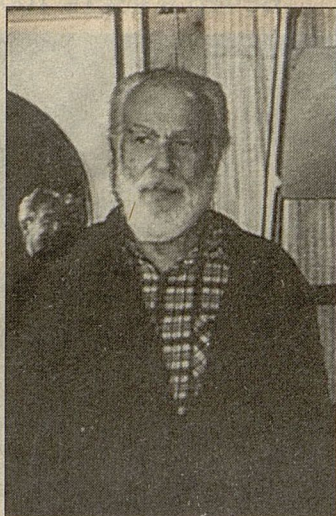
— Да, война стала для меня главной темой. Наше поколение, его юность и зрелость связаны с войной. Это отразилось на всей нашей жизни и не могло не сказаться на творчестве.

— Начало вашей работы пришлось на 60-е годы. Относится ли вы себя к шестидесятикам?

— Наверное. Но все они были очень разными. Некоторые вкладывали в это понятие определенный идеологический смысл. Не знаю, верно ли это. Мои же картины были отражением последствий войны, а не каких-то идеальных позиций. Вообще я отношусь скептически к самому наименованию "шестидесятники". Точнее было бы назвать художников "детьми войны". Отсюда и наша суровость. Конечно, 60-е годы диктовали и свои требования — мы уже не могли делать "соцреализм с аплодисментами". Для нас правда жизни стала важнее, чем какие-либо официальные догмы.

— В "суровом стиле" написана даже лирическая картина "Влюбленные", одна из самых значительных и замечательных у вас...

— Но и в ней есть отзвук войны. Картина шла очень мучительно. Мне представлялась сцена: берег моря, две фигуры, мотоцикл. Это как-то увиделось сразу, но кто эти люди, какая их биография — я не знал, и композиция не завязывалась. Случайно я разговорился с одним, уже немолодым человеком, который был скромным лаборантом в одном институте. Он рассказал о себе, о своей жизни: мальчишкой ушел на Гражданскую войну, потом организовывал колхозы. Когда началась Отечественная война, ушел добровольцем в ополчение, был ранен. И вот жизнь этого человека, так тесно переплетенная с жизнью Родины, показала мне значительной и интересной. Я понял, что такого человека я люблю, он мне

Г. Коржеев

близок и дорог. И как только начали складываться черты моего героя, картина ожила, у нее появились содержание, смысл...

— Каждая ваша картина становилась событием художественной и общественной жизни. Ее обсуждали, о ней спорили. Она могла нравиться или не нравиться, но равнодушным она не оставляла никого. Какую из них вы сами считаете наиболее важной для себя?

— Мне трудно ответить на ваш вопрос. Есть, разумеется, личные пристрастия к той или иной картине. Мне дорога серия "Опаленные огнем войны", исполненная во второй половине 60-х годов. Она состоит из пяти картин — "Следы войны", "Проводы", "Заслон", "Мать", "Старые раны". Интересен мне кажется триптих "Коммунисты". Особенно "Интернационал".

— В 80-е годы, я помню, большое впечатление произвела картина "Мутанты". Она казалась чуждой для вашего творчества, непонятной...

— Действительно, она была странной для меня и мне несвойственной. Но над ней я работал долго — семь лет. Позже она стала началом большой серии, состоящей из 40 холстов. Правда, некоторые из них я исполнил уже в ином, юмористическом стиле. Что я хотел выразить "Мутантами"? Трудно сказать. Они понимаются по-разному. Может быть, это было предчувствием грядущих перемен, того, что затем произошло у нас. Так или иначе, это получилось у меня совершенно непреднамеренно, я ничего конкретного не имел в виду.

Вообще я думаю, что изобразительное искусство не должно заниматься злободневной публицистикой.

— После некоторого, как мне кажется, перерыва вы стали работать интенсивно...

— Сделал большую серию картин, посвященную Дон Кихоту. Задумал ее еще в годы учебы в институте. Теперь получилось 15 картин. Эта тема далеко не новая в искусстве. В русской литературе отношение к Дон Ки-

хоту особое: у Пушкина, Достоевского, большая, серьезная работа была у Тургенева. Русская интеллигенция никогда не относилась к Дон Кихоту как к сумасшедшему, она воспринимала его вполне серьезно. Вот таким вижу своего героя.

А еще мой Дон Кихот близок мне и дорог тем, что его прообразом стал мой отец Михаил Петрович. Он был худой, высокого роста. И по своему характеру также напоминал легендарного персонажа Сервантеса. Поэтому я люблю своего Дон Кихота. Думаю, что с годами он становится для нас все современнее, понятнее, ближе. Особенно в наше меркантильное время. Следовало бы почаще о нем вспоминать.

Отцу я посвятил еще картину "Одиночество". Он, будучи уже в весьма преклонном возрасте, доживал свои дни один, жил в небольшой комнатухе. Вообще тему одиночества я хочу представить в отдельную серию. Каким-то толчком к ней стал средневековый и в свое время довольно распространенный сюжет "Танец смерти". Смысл его заключался в том, что смерть уравнивает всех — и князей, сиятельных вельмож, богатых людей и простолюдинов, бедняков. Очевидно, эту серию я построю по-иному, много шире, современнее. Но что получится — пока не знаю.

— Вы очень заметно были представлены на недавней Всероссийской выставке, посвященной 60-летию Великой Победы и состоявшейся в Центральном доме художника. Вы показали большие жанровые картины, что стало редкостью на сегодняшних выставках, обычно наполненных небольшими, в основном пейзажными холстами.

— Одна из картин — трехметровый "Мечтатель". Подобный сюжет у меня уже был. Другая — "Заложники войны", размером 3 на 4 метра. В ней я продолжил тему "Заслона", исполненную еще в 1967 году. Сюжет ее — из Великой Отечественной войны: немцы поставили на бруствер своих окопов мирных и беззащитных советских людей, чтобы ими защититься от наступления наших войск. Но теперь на полотне — 39 фигур, а в "Заслоне" было лишь две. Над новой картиной я работал три года. Писалось очень трудно. Быть может, еще потому, что в тесной мастерской не было необходимого отхода от картины, поэтому во время работы я не мог воспринять ее целиком. Ее недостаток заметил только на выставке. Вероятно, над картиной придется еще думать.

— А еще над чем работаете?

— Задумал большую серию "Невосребованные люди". Они не нужны нашему сегодняшнему обществу и пребывают как бы в тени. Это не те "публичные" деятели, которые лезут к нам из телевизора. Но это люди добрые, порядочные, глубокие. Именно на них я возлагаю свои надежды.

— Из показанных вами в мастер-

ской новых картин большое и, я сказал бы, оптимистическое впечатление оставила великолепная обнаженная...

— Я назвал картину "Квартирантка". Изображена молодая, сильная, красивая девушка. Время — тридцатые годы, она приехала из деревни в Москву на стройку. Сняла угол в какой-то комнатенке. Пришла с работы, отдыхает. Вот ее нехитрый скрб — примус, медный чайник, тазик. Я использовал в построении картины натюрмортный принцип, без далекого пространства. Люблю писать натюрморты. По своему художественному восприятию я скорее натюрмортист.

Мне картина нравится. Когда у меня плохое настроение, достаю этот холст. И помогает.

— У вас в мастерской находится много невосребованных картин...

— Музеи сейчас не покупают — нет денег. В музеях моих картин немного. В Третьяковской галерее, по-моему, четыре. Одна находится в ее постоянной экспозиции "XX век". Несколько моих работ — в Русском музее. Но они, к сожалению, не выставляются. Лет двадцать у меня вообще ничего не покупали. К моему творчеству проявляют гораздо больший интерес за границей, чем в нашей стране. Но так работают, наверное, все художники. Нас не должно это интересовать. История все расставит на свои места, если художник того стоит. Поэтому сегодняшняя невосребованность меня не тревожит.

— Каково, на ваш взгляд, современное состояние нашего изобразительного искусства?

— Границы его настолько широко раздвинулись, что многое, строго говоря, не имеет к нему никакого отношения. А те из молодых художников, которые работают в реалистической манере, находятся на положении изгоев. Они не пользуются никакой поддержкой со стороны официальных властей. В таких условиях, конечно, развиваться трудно.

Недавно один высокопоставленный чиновник из Министерства культуры, выступая по телевидению, заявил: жизнеподобие — это достояние девятнадцатого века, сейчас все это устарело. Вероятно, он имел в виду реализм. Тем самым чиновник выразил официальную точку зрения на развитие изобразительного искусства. Не возвращаются ли те времена, когда чиновники определяли развитие искусства? Но все это мы уже проходили.

— Вас чиновники от искусства никогда не любили, даже в прежние времена...

— Не любили. Мне почти не давали государственных заказов. Да я и сам не стремился их получать. Заказ всегда мешает работе, связывает ее какими-то рамками, ограничивает свободу творческих поисков.

Беседу вел
Евграф КОНЧИН